

Анатолий

Лаптев

Лаптев Анатолий Павлович родился 6 февраля 1942 года в Баку. Образование высшее (Всесоюзный государственный институт кинематографии). Автор 30 документальных и одного игрового фильмов, более полувека своей творческой деятельности посвятивший пропаганде различных аспектов жизни уникальнейшей области, её природных богатств. После выхода на всесоюзный экран трилогии о проблемах высокогорного озера Маркаколь, оказавшегося на грани исчезновения, уникальнейший водоем получил статус заповедника, а все три фильма трилогии стали призёрами Всесоюзных телефестивалей. В 1980 году за образное, художественное решение в этих лентах актуальной темы А. Лаптев был удостоен премии ЛКСМ РК.

Член Союза журналистов и Союза кинематографистов. Заслуженный деятель искусств РК. Лауреат премии Президента РК в области СМИ. Живет в городе Усть-Каменогорск.

ЗВЁЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

ИЛИ НЕБОЛЬШОЕ ИНТЕРВЬЮ С БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ

(ПАМЯТНЫЕ ЗАТЕСИ ИЗ СЕГОДНЯШНЕГО ПРОШЛОГО)

Вот ведь какая это штука беспокойная – память людская! Волна за волною, не зная усталости, она будирует, теребит наше серое вещество, наш разум и учащает пульс. И так до рокового, накрывающего с головой, «девятого» вала.

И тогда наступает тот известный, неотвратимый час «икс», когда эмоции начинают бить через самый край и мысленно хочется, очень хочется, аж до острых колик в сердечной мышце, перенестись, вернуться в то далёкое и неповторимое время, в те сладостные мгновения ушедшей юности. И, вновь и вновь переживая их, попытаться найти единомышленников, с коими в радость можно было бы разделить (на миру, говорят, и смерть красна) истинно твоё, сугубо личное.

И это тот самый случай, когда «рука тянется к перу, перо к бумаге». И в этом то, на мой взгляд, также одно из её, памяти, дивных предназначений.

И ещё, что немаловажно, хранит она все знаковые сюжеты нашей многострадальной стези, все наиболее запоминающиеся встречи на житейских стёжках-дорожках, избирательно сберегая лишь самое светлое и основополагающее.

* * *

Ну, а чтобы эти непричёсанные мысли-размышлизмы, посетившие неожиданно-негаданно в бессонные часы долгой зимней ночи мой затерявшийся во времени и пространстве скит, мою одинокую «келью» затворника поневоле, не восприни-

мались как нечто схоластическое, как некая абстрактная сентенция, я попытаюсь подкрепить их состоятельность стилизованным (а ля эссе) пересказом одной из наиболее ярких, запоминающихся жизненных коллизий, происшедших со мной на рубеже двух тысячелетий.

* * *

Как-то в один из довольно насыщенных и плодотворных периодов профессиональной моей деятельности на ниве кинематографа и тележурналистики, так вот – довольно неожиданно сложилось-получилось, что давешнее неборимое (и не скрою – честолюбивое) желание пополнить видеоанналы мирового «анима» уникальными кадрами «Михайло Потапыча», отснятыми непосредственно в естественной среде его обитания, а если очень повезёт, – ещё и вместе с членами своей косолапой семьи, – стало наконец-то возможным.

То ли звёзды подсустились, то ли сценарист и редактор ряда моих фильмов Павел Бортник – тогдашний шеф Усть-Каменогорской телестудии, человек хотя и творческий, амбициозный, но уж больно идейный (диплом Высшей партийной школы ЦК КПСС), а значит и ярый апологет экономической целесообразности (социализм – это учёт) – потерял бдительность, клонув на мои нехитрые уловки, сейчас уж и не вспомнить – главное, я добился нужного результата. После долгих «тёрок» и треволнений добро на довольно затратную командировку в «места не столь отдалённые» было мной всё-таки получено.

(Нет-нет, конечно же, не в Соловки, на «уютные» лежаки приснопамятного пляжа Беломорья – одного из козырных мест времяпровождения бериевских «вохров» и их неизменных оппонентов, политических изгоев, а ровно наоборот, в страну свободы и благоденствия – Беловодье, существовавшую в сталинские времена вполне реально, а ныне лишь на страницах энциклопедических справочников, в интернетовской «паутине», ну и – в неизбывной памяти народной).

Так вот, продолжу. Поделюсь некоторыми нюансами намечающегося триллера. Самое для меня неожиданное и приятное оказалось то, что мобильная часть его действия будет проходить не как обычно, при помощи перекладных, а комфортно, с доставкой, так сказать, на дом студийным транспортом по кличке «вездеход», переданным от щедрот родимой «альма-матер» в моё личное распоряжение. Хотя для такой развалины, скажу вам, подошли бы другие, более точные эпитеты. Допустим – «староход», или там – «тихоход». Но, как известно – «дарёному коню в зубы не смотрят»: какие ни есть, а всё же – колёса. И опять же, о чём речь!? С кого и какой там спрос!?! Всем давно известно у нас, что при нашем материковом, евразийском менталитете культура всегда, во все времена – советские, постсоветские – финансировалась по остаточному принципу. Но «...не надо печалиться – вся жизнь впереди».

И в общем, и в частном – гип-гип ура! В самые ближайшие дни отправляюсь целевым транзитом, без пересадок, прямо в лапы... Чур-чур, оговорился, напрямик в родовую вотчину добродушных и добрейших, (читайте русские народные сказки) наших «братиков меньших». Ну, а уж найти с ними общий язык, по моему разумению и самонадеянному прогнозу, и снять этот «супер-пупер» эпизод – тьфу, раз плюнуть (так, по крайней мере, мне тогда казалось). Гарантия – сто процентов. Вот так-то!

И завертелось! В первую очередь, я побежал в «Охотсоюз», где получил квиток-разрешение на применение в экстренных случаях (допустим, самооборона, защита от посягательств, от неадекватной реакции неразумных млекопитаю-

щих) огнестрельного оружия. Хотя чего уж там прятаться за слова, заниматься казуистикой. Буду предельно откровенным или, как сейчас принято говорить, прозрачным. Никакой это ни квиток-разрешение, а элементарная, оплаченная моей конторой лицензия на отстрел одной, (фу-у!) медвежьей единицы. Такое вот, коллеги, кино.

Следующий свой визит я нанёс в спецотдел небезызвестной организации, где мои анкетные данные, как показало «вскрытие», вполне укладывались в «прокрустово ложе» таинственных, известных лишь им, стражам госпорядка, стандартов. Затем мне предстояло пройти еще один из обязательных кругов «дантова ада» – так называемое собеседование «тет-а-тет». Говоря условно и не условно, традиционный для надзорных органов процветающей империи тест на благонадёжность...

И хотя 37-й год давно канул в небытие, культ зарвавшейся личности разоблачен, а в заскорузлые от затянувшейся зимы советские умы пришла долгожданная оттепель шестидесятых, и даже пахло перестройкой, тем не менее неистребимый дух революционного прошлого всё ещё витал в воздухе, и с этим ничего поделать было нельзя

Вот и по отношению к большинству свободных художников, ко всей, так сказать, разномастной творческой братии у власти по-прежнему превалировало устоявшееся ещё со времён царя Гороха мнение как о неуправляемых, не поддающихся партийной муштре, а значит и необученных рядовых, способных (или не способных), как все, идти в ногу (левой, левой) в строю строителей коммунизма. Уверенно, не оглядываясь назад, семимильными шагами и монолитными рядами под многообещающий («кто был ничем, тот станет всем») и направляющий аккомпанемент «Интернационала» маршировать напрямик в скорое светлое будущее, обещанное народу (главное, прокукарекать, а там...) членами Политбюро и его главным оракулом.

Так вот – о неподдающихся. Раз эти господа позволяют себе роскошь иметь собственное мнение, то, естественно, со стороны компетентных органов, как само собой разумеющиеся, за ними, как за ненадёжным, асоциальным элементом, должен осуществляться жёсткий, (негласный) контроль. Главная же закавыка в том, что вся эта чиновничья камарилья была искренне убеждена (не без помощи заматеревшей, оставшейся ещё со сталинских времён фискальной службы, снабжавшей своих новых хозяев информацией, которая, мягко говоря, не всегда соответствовала истине), что среди обычно довольно далёких от политики творцов тем не менее немало ярких оппозиционеров, не согласных с прямой, как пифагоровы штаны, линией родной КПСС и исповедующих «ненашенские», чуждые развивающемуся социализму идеи так называемой западной демократии и «гнилого» либерализма, а некоторые из них, наиболее одиозные, по затёртой кальке вполне даже вписываются в категорию потенциальных диссидентов.

Но, кажется, я несколько отклонился от основного пункта «дорожной карты», заявленного в пространном прологе. Так вот, докладываю! На собеседовании с пристрастием я показал себя настоящим молодцом и в сравнительно короткое время («так держать») наконец-то получил, правильной – сумел добыть, самое для нашего брата-журналиста нитруднейшее – допуск «в святая святых» системы на так называемые режимные объекты – в особо охраняемые зоны. Да, скажу я вам (имею на то полное право), в ту далёкую и замечательную (без какой-либо

иронии и кавычек) пору нелегко было получить доступ и ко многим другим табуированным вещам: к старым архивным материалам с грифом «совершенно секретно», отдельным любопытным документам, обозначенным как страшная гостайна, которая, честно говоря, в большинстве случаев и выеденного яйца не стоила. А какой крови, сколько нервов и никчемных бумажек требовалось, чтобы получить элементарную выездную визу за рубеж и т. д., и т. п. Ну и вообще, в этой процессуально запутанной, алогичной ситуации процветало, если кто помнит, ещё множество всевозможных бюрократических прелестей и рогаatok. Я оказался везунчиком, и разрешение, которое мне было выдано на руки, помимо всего прочего, ещё определяло и моё право на производство киносъёмки по всей приграничной территории юго-востока нашей области. (Правда, в допустимых пределах).

И – «алга!» (Местная интерпретация слогана «Вперёд, на баррикады!»)

Быстро-быстро сформировав боевую команду из водителя старенького студийного газика с будкой («тихохода»), моего личного ассистента и врача-реаниматора, приятеля начальника телецентра, навязанного по его протекции нам в нагрузку, я с помощью новобранцев приступил к оснастке матчасти (материальной части) нашей экспедиции.

В первую очередь, на случай непредвиденных обстоятельств, мы укомплектовали неприкосновенный запас (НЗ) из калорийных, а главное – малопортящихся и не занимающих много места продуктов, затем подготовили все необходимые для работы причиндалы и в заключение я, уже теперь самолично, самым тщательнейшим образом проверил нашу экипировку.

Кажись, всё – чики-чики. Нормалёк. Пора бравых волонтеров выводить к линии «исторического» старта в притягательную и неодолимо зовущую неизвестность. Тем более, что буквально в эти самые предотъездные минуты, после кратковременных водных процедур матушки-природы, эта самая распрекрасная неизвестность расцвела («знак свыше») огромной, в полнеба, радугой.

Ну а перед самым началом сольного автопробега я, как и полагается (титул командора, сами понимаете, обязывал), и долго особенно не думая, нарёк нашу колымагу, дав ей, по известной аналогии, имя «Антилопа гну», а затем, поколебавшись, решил переименовать на «Шапито», чем вызвал сильное раздражение у нашего эскулапа, оказавшегося неожиданно большим эстетом, склонным даже в быту изъясняться высоким литературным «штилем». Кстати, в полном соответствии с его претенциозным именем – Лев (подарок интеллигентных родителей).

Что поделаешь, но до «Ноева ковчега» содержимое четырёхколёсной таратайки явно не дотягивало. Не было в наличии ни прирученных представителей фауны, тех самых «тварей по паре» – провиант будущей цивилизации, ни даже плохонькой копии эдемовской Евы.

Сразу же скажу, что проходило наше путешествие довольно долго и, как сейчас помню, в сплошном мажоре, расслабухе, не предвещающей каких-то особых малопрятных сюрпризов. Но, увы, как известно... – человек лишь предполагает. Отмечу, что реально ни плохонький автобан, ни даже раздрызганный асфальт шоссейки, в означенном для киноэкспедиции азимуте, нам не светили, и главный маршрут пролегал в основном по битому (выражаясь на плохом японском – «то яма, то канава»), в сплошных колдобинах сельскому тракту. Зато «хлеба и зрелищ» – основных компонентов, определяющих благополучие человеческого «эго», комфортность

его существования – было предостаточно. Во всяком случае, от проплывающих в голубой дымке величественных отрогов Южного Алтая, со свечами вековых кедров, позолотой берёз, перемежаемых кумачовыми галстуками рябин, невероятной белизной снежных пиков и клиньями курлыкающих журавлиных стай, оторвать взгляд было невозможно. Да ещё, в дополнение, на десерт к этой райской красоте, в визире кинокамеры, словно в волшебном зеркальце калейдоскопа, изредка возникали яркие движущиеся вкрапления – довольно необычное явление для высокогорных джайлау, можно сказать, эксклюзив. Вооружившись мощным биноклем и чуть приблизившись к этим загадочным, динамично изменяющимся пятнышкам, становилось понятно, что было это не что иное, как обособленные животноводческие оазисы для новорождённых верблюжат – так называемых «бота». Они-то, эти самые милашки, своим раскованным и непредсказуемым поведением оживляли и одушевляли этот несколько подзастывший, статичный пленер, эту заоблачную идиллию, как бы привнося в них определённую, дополнительную краску, усиливая этим, причём довольно значительно, впечатление от увиденного. Неординарность же их поведения заключалась в том, что они, эти малютки, появившиеся на свет божий чуть ли не на наших глазах, ещё не совсем понимая, да чего там, совсем не понимая, где они и что с ними, уже активно выражали своё «ре», своё несогласие с политикой, проводимой их монументальными двугорбыми мамашами. Причём, используя характерный для таких крохотуль арсенал. Наши вот знакомцы «бота» капризно, я бы сказал даже театрально взбрыкивали тонкими ножками, другие (из другой «оперы») в подобных случаях трясут головой и визжат, словно их режут, третьи... Мм-м, что же третьи?

Отмечу, что я более чем благодарен собственной памяти, не поддавшейся, хвала Создателю, разрушительному и даже тлетворному влиянию неумолимого Хронуса и до дней нынешних сохранившей в своих самых потаённых уголках многие из эпизодов, иллюстрирующих и отдельные детали съёмочного процесса, и в целом работу всей нашей киногруппы над медвежьим блокбастером. Особенно же я ей, своей памяти, признателен за, пожалуй, одно из наиболее ярких эстетических воспоминаний-видений той сентябрьской, подёрнутой позолотой поры 1974 года, проведённой в самом сердце горной страны – Алтай.

Дело было так. В один из ненастных дней мы, до чёртиков вымученные погодой и дорогой, под сплошные междометия нашего обычно довольно сдержанного водителя, с огромным трудом поднялись по расквашенной дождями колее на седловину высокогорного перевала-водораздела двух алтайских хребтов – Сарымсакты и Тарбагатая, где и остановились, чтобы перевести дух. И тут мгновенно, словно по мановению волшебной палочки вселенского дирижёра, мощный порыв внезапно налетевшего верхового ветра смёл, разметал с обложного, мрачного неба низко нависшие тучи, и перед нашей непритязательной командой фанатиков от «синема» открылась ни с чем не сравнимая, фантазмагорическая стереопанорама. Этакая поднебесная, мозаичная картинища, сложенная из безвозмездно предоставленных щедрой природой-искусницей уникальнейших, изысканных пазлов, и ещё – вдобавок, окаймлённая невероятной, сногшибательных раскрасок радугой, раскинувшей на всё неохватное пространство свой многоцветный шатёр. Так сказать, готовый виртуальный шедевр, к сожалению, почему-то до сих пор неостребованный, а может, в суете сует просто незамеченный уставшими от рутинных дел путниками.

Да-а, такое великолепие, лепота, безропотно и терпеливо ждущая неравнодушной кисти большого художника, – это, конечно же, нонсенс. И, вне всякого сомнения, она заслуживает своего адекватного, достойного перевоплощения в нетленное произведение истинного искусства. Хотя, полагаю, с такой самоигральной натурой вполне мог бы справиться и просто талантливый копиист с тюбиками необходимых красок и заранее загрунтованным холстом.

Думаю, что невероятная притягательность и вместе с тем некая отрешенность этого первозданного пленера с такими характерными атрибутами: и схожий с лепестком лотоса, заснеженный пик, тающий в бирюзовой дымке, как опоясанные голубой лентой реки, горные склоны с разноцветьем альпийских трав и гигантскими купами вековых кедров, ну и некое особенное состояние здешней ауры – всё, со слов знающих людей, напрямую указывало, что именно такое сочетание природных раритетов и является убедительным подтверждением того, что перед нами один из истоков полумифической страны света и добра – Шамбалы. Хотя, возможно, и её устье. Это гипотетическое предположение подкрепляется ещё и другими обстоятельствами. Достаточно вспомнить хотя бы про одухотворённую царицу Горного Алтая – гору Белуху и её две уникальные вершины, которые, по разумению адептов астрального культа, выполняют почётную миссию «связных» между дальним космосом и зелёной планетой Земля, его энергетическим, а, может быть, даже и божественным рупором. Не зря же с незапамятных времён это двуглавое, можно сказать, чудо, пожалуй, одно из самых загадочных явлений Великой природы, являлось предметом поклонения племён, исповедующих постулаты родоначальника многих вероучений новой эры – тенгрианства. И такая ещё деталь. Этот благословенный край, считающийся золотой колыбелью тюркских этносов, в доисторическую эпоху, согласно классификации великого Геродота, назывался Четвёртым углом Ойкумены.

Традиции, как известно, просто так не умирают, поэтому и в нашу сверхпрагматичную эпоху здесь, у подножья Белухи, в определенное время года можно встретить многочисленные и довольно представительные (от студентов до докторов наук и даже, представьте себе, космонавтов) компании «рериховцев», прибывших сюда из разных частей света в надежде побыть энное время в состоянии нирваны и даже, возможно, испытать катарсис. И вообще, для апологетов эзотерики это высокогорное плато, без всякого преувеличения, – райские кущи. Что-то вроде пресловутого Эдема. Но, стоп! Довольно лирики, пора, однако же, вернуться к прозе кочевой жизни. Труба, она, как известно, зовёт.

Би-и-бип, дзи-инь! Так вот, изредка пугая клаксоном пернатую и прочую домашнюю живность, забредшую на дорожную колею понежиться в тёплой пыли, и не особо спеша, катился наш «цирковой» шарабан, натужно фырча и монотонно поскрипывая на ухабах изношенными рессорами. В полном, можно сказать, соответствии с песенным текстом известного шлягера, информирующего неприятельную публику о том, что «...дорога серою лентою въётся».

Хотя, честно говоря, время всё-таки нас несколько поджимало. Да и погода оставляла желать лучшего. Поэтому двигались мы почти не останавливаясь. Минувя по ходу приютившиеся на горных склонах аулы с необычными для городского жителя названиями, охотничьи заимки с избушками на курьих ножках, мимо полевых станов, благоухающих скирд скошенной травы, и лишь иногда, на какую-то минуту, другую, третью притормаживая у чабанских отгонов с белыми

округлыми конусами войлочных юрт, неуловимо чем-то напоминающие Мироздание. Возможно, своим необычным, устремленным в небо неземным обликом. И главной причиной этих незапланированных остановок были неотразимые запахи, разносимые причудливо выползающими из приоткрытых шаныраков (крестообразные отверстия в потолке кочевых жилищ номадов) шлейфами дымов. Да и где взять силы, чтобы нам, большим любителям вкусной и здоровой пищи, устоять перед соблазнительными, аппетитно пахнущими раскалённым бараньим жиром баурсаками, пьянящими ароматами кобыльего молока и крепкого казахского чая, заваренного медвяным настоем увядающих трав джайляу.

На улице стояла осень, и кумыс, которым нас потчевали исконные жители этих высоченных гор и богатейших речных долин – «найманы», был как никогда хорош да к тому же ещё и содержал явные градусы, переходящие после чрезмерного употребления (злоупотребления) в криминальные промилле. Но главным в предлагаемом нам хлебосольными хозяевами меню был, конечно же, свежеприготовленный бешбармак – воистину королевское блюдо, увенчанное роскошной головой молодого барашка – сакральной принадлежностью любого праздничного дастархана. Вручается она обычно почётному гостю, и он по традиции разделявает деликатес на знаковые части, которые затем, со строгим соблюдением возрастного и иерархического принципа, делит между едоками. Лично мне больше всего нравились «отпадные», вкусно отдающие запахом кострища бараньи ушки. Хотя претендовать (по статусу моей профессии) я мог лишь на глаза. Такая вот моя разнесчастная карма.

«Улица полна неожиданностей». Никак не могу вспомнить, кто же из творческого люда придумал этот перл, увы, давно перешедший в разряд заезженных клише. Кажется, так свою будущую ленту обозвал один начинающий сценарист. Я бы этот трюизм несколько переиначил, поменяв улицу на дорогу. Почему? Просто я не однажды на своём, на личном опыте убеждался, что именно с дорогой больше всего связано всевозможных «нежданных-негаданных» заморочек. Ну а в подтверждение – расскажу об одной из незапланированных и довольно любопытных встреч на нашем многотрудном пути в благословенное Эльдorado (по-нашенски – Беловодье). Кстати, в Большой советской энциклопедии координатами местонахождения полумифической обетованной страны вольных каменщиков называется расположенная на территории Восточного Казахстана богатейшая Бухтарминская долина.

Итак, попрошу толику внимания. Как-то в не по-осеннему жаркий полдень, спасаясь от массивированной атаки расшалившихся протуберанцев – огненной рати грозного Ярилы, мы съехали с основной трассы на просёлочек. Единственным и неодолимым желанием нашим было, как можно быстрее подыскать тенистое местечко с бьющей из-под земли родниковой водицей. Чтобы там, под сенью листвы, освежившись в струях животворного источника, слегка перекусить и «мал-мал» отдохнуть от опостылевшей тряски.

Поиски наши оказались недолгими. Буквально метров через сто наш потрёпанный драндулет воткнулся в импровизированный шлагбаум, перегораживающий проезд к журчащему поодаль горному ручью, с пришпиленной к нему странноватой (до введения рыночных отношений ещё оставалось пару десятков лет) надписью: «Частные владения! Въезд запрещён!» Под текстом была намалёвана звероподобная морда с устрашающим, смахивающим чем-то на улыбку египетского сфинкса оскалом. Вдвойне странно и непонятно. По моим сопровод-

дительно бумагам и подробной, добытой у авиаторов карте эта местность на многие километры абсолютно безлюдна, а тут – нате вам! Спешившись, мы тем не менее решили проигнорировать запрет и, прихватив еду, чашки-ложки, другие необходимые для полноценного отдыха премудрости, двинулись к огромному развесистому вязу, раскинувшему свою крону на берегу небольшой запруды, где прямо у его размытых весенними потоками корней и облюбовали место для импровизированного дастархана, умудрившись при этом нечаянно спугнуть прикорнувшую в дупле серую сплюшку.

Только мы разломали хлеб, поделили тушёнку и разлили по стаканам «фронт-овые сто граммов», как вдруг, неожиданно, откуда-то сверху раздались один за другим резкие пугающие звуки. Прямо-таки молодецкий посвист соловья-разбойника. Оглянувшись, я на небольшом взгорке, в полусотне шагов от сооружаемого нами гнездовища, увидел комичное существо, стоящее на задних лапах – этакий коренастый, в теле, тип, поросший густой каштанового окраса шерстью, напоминающий сказочного персонажа. То ли гномика, то ли чебурашку. Сурок, упражняясь в художественном свисте, и выводил эти рулады, ставшие источником нашего переполоха. Рядом же с этим громкоголосым солистом из глубокой, закрытой от посторонних глаз гранитным козырьком норы высывалась голова, судя по модной, в завитках, причёске – его подруги, тоже шатенки. Обменявшись между собой информацией и, по-видимому, коллегиально решив, что горизонт абсолютно чист и ничто не сулит их семье неприятностей, «медам» выбралась из убежища. Осмотревшись секунду-другую и ещё раз убедившись, что всё, так сказать, «хоккей», она подала условный сигнал. И в мгновение, откуда ни возьмись, на свет божий высыпала целая вереница сорванцов – уменьшенных копий своих упитанных родителей. Издав одобрительное урчание и по ходу слегка приобняв (ну, не сладкая ли парочка!) своего благоверного, многодетная матрона перешла к прямым своим обязанностям. Усмотрев беспорядок в поведении детёнышей, вырвавшихся на оперативный простор после долгого заточения в подземелье и, естественно, сразу же не в меру расшалившихся, она начала их мягко журить, а самых непослушных даже награждать тумачами. Зрелище, скажу вам, редчайшее. Ну, впрямь, чуть ли не семейные разборки «хомо сапиенс».

Потом была довольно продолжительная встреча с подтянувшимися из охотничьих угодий арендаторами этой территории, отрабатывающими в поте лица промысловую лицензию на добычу сурчиного меха и довольно ценного лечебного жира. После обмена информацией, на второе, в качестве презента, нам была предложена дегустация увесистых стейков из тушек опять тех же сурков, вымоченных, чтобы отбить специфический запах, в проточной родниковой воде. Этакий экзотический деликатес, считающийся очень полезным и, представьте, даже целебным. По заверениям тостующих, чуть ли не панацея от многих болячек. К сожалению, после только что увиденного представления, разыгранного милыми животными на высоком художественном уровне, блюдо это совершенно не лезло в горло. В конце концов, не каннибалы же мы? Или там, некие мифологические персонажи, поедающие собственных родственников. Всё, решил я, кердык! Перехожу на флору, в компанию вегетарианцев-сыроедов!

Ну а дорога, думаю, вы теперь согласитесь, особенно со всякими там серпантинными и «тёщинными языками», – это, вне всякого сомнения, один из неиссякаемых источников самых невероятных и неожиданных приключений.

Добравшись до Урунхайки, самой высокогорной (1400 метров над уровнем моря) портовой гавани Восточного Казахстана, и вдоволь налюбовавшись этим своеобразным, срубленным практически целиком из кедра и лиственницы человеческим поселением, картинно расположившимся на берегу хрустального Маркаколя – «озера студёного, но ласкового», я занялся поисками спеца, досконально знающего не только местную географию с топографией, но и любимые уголки обитания здешнего зверья, его заповедные, ведущие от лёжки к водоёму тропы и, конечно же, его повадки. Более же всего мне от будущего консультанта нужны были эксклюзивные сведения о топыгиных – тяжеловесах таёжной глухомани.

Розыскные мероприятия, надо сказать, оказались не столь продолжительными, как вначале предполагалось. Выбор, после тщательного анализа разноречивых мнений урунхайских старожилов, пал на то ли сродных, то ли сводных братьев Копыловых – местных рыбаков и зверобоев, которым я тут же и устроил своеобразный кастинг с привлечением в качестве экзаменаторов действительных членов нашего полевого «пен-клуба» на колёсах. Ну а сольную партию исполнил, конечно же, он, неподражаемый и довольно начитанный продолжатель дела великого Гиппократы, заявив сразу же, на отмашку, причём ещё и безапелляционно, что наши претенденты – это, вне всякого сомнения, «тонкий и толстый», двойники чеховских героев. Что же поделаешь, употреблять нелицеприятные сравнения – его конституционное право, ну и опять же: сколько людей – столько и мнений. Мне же в характеристике побратимов и ближе, и по душе другие оценочные категории. Допустим – «говорун и молчун». Кстати, в миру, среди сельской публики, к самому разговорчивому и самому упитанному из братьев уже давно прилипло прозвище – старшина.

Продолжался словесный турнир недолго и, к удивлению присутствующих и моему удовольствию, завершился победой неразговорчивого кержака, которого я тут же и зачислил в ударную группу на штатную должность «креативного поводыря», а по совместительству – «шерпа», убив таким образом сразу двух зайцев. Во-первых, усилив этим боеспособность личного списочного состава, а, во-вторых, его грузоподъёмность. Тем более что профессионализм бравого «рейнджера», отрекомендовавшегося ещё в начале нашего знакомства большим докой по медвежьей тематике, сразу же нашёл своё подтверждение (правда, пока кулинарное) в описанном им старинном рецепте уникального (пальчики оближешь) жаркого из медвежьих конечностей да ещё сдобренного фирменной медовухой, настоянной на перебродившем берёзовом соке. Мне меню понравилось, а ещё больше понравилось то, что слова у него не расходились с делом и теорию он тут же подтвердил практикой.

Бр-рр! Было, было дело. А ведь я дал себе зарок поставить крест на потреблении природных даров фауны. Не-а, слаб, сла-ааб человек!

Наполнив до отказа по служебной маляве директора Маркакольского лесхоза Есена (бывают же люди) на местной заправке подопустевший бензобак да ещё в придачу парочку-другую двадцатилитровых канистр (халява все-таки) и прихватив в нагрузку увесистую связку аппетитных, истекающих жиром ускучей особенного, урунхайского посола, пора было и честь знать. Сделав на прощание ручкой и «книксенув» (низкий поклон с приседанием) добрым «самаритянам» – гостеприимным и хлебосольным хозяевам-интернационалистам этого благословенного уголка, приотившим нас и обогревшим перед заключительным и наиболее сложным этапом несколько затянувшегося ралли, я немного взгрустнул. Впереди тяжелейший, зубодробительный марафон по валунам так называемого

«Владимирского» тракта, который, как нас информировали, по мере приближения к искомому пункту нашего автопутешествия постепенно сходит на нет, теряясь в заболоченных рытвинах...

Охо-хо. А далее, что далее!? Далее – гужевой транспорт и бег по пересечённой местности в погоне за неуловимым нечто, почти фантомом. И такая ещё штука. По упорно циркулирующим слухам где-то совсем поблизости, в одном из наиболее труднодоступных медвежьих углов Горного Алтая, обитает таинственный йети. Да, да, тот самый сверхчеловек.

Во всяком случае, на илистых берегах моренных озёр и снежных, подтаявших языках ледников следы от пятипалых ступней запредельного размера находили точно. Хотя бывают и другие расклады. Как говаривал один известный знаток человеческих душ: «...Не всё, брат, надо брать на веру». Буквально на днях в мировых СМИ прошла информация о рассекреченных «цереушных» материалах, проливающих свет на, подумать только, земное происхождение пресловутых НЛО. На самом же деле это была, оказывается, самая грандиозная мистификация 20 века. Помните те, в общем-то, и не очень далёкие времена, когда отечественные уфологи на полном серьёзе, с пеной у рта разглагольствовали о нашествии инопланетян – целой космической флотилии вполне реальных летающих тарелок, приводя в доказательство показания десятков, сотен вполне адекватных, вменяемых людей, которые якобы воочию наблюдали за маневрами этих неземных раритетов. (Некоторые из любвеобильных дам даже имели счастье вступить в непосредственный контакт, если хотите, связь, со звездными экипажами галактических монстров и среди нас, землян, (а чего там) вполне уже возможно подрастают «звёзданутые» мальчики и девочки). Так вот, согласно озвученным документам, эти самые блюдца-тарелочки на самом деле – плод усилий продвинутой и высокоорганизованной американской нации, можно сказать, наиотличнейший результат хорошо оплаченного, а значит и высококорентабельного труда её самых лучших научных и инженерных умов. Ну, а управляли этим «ноу-хау», наверняка, даже и к гадалке ходить не надо, специально обученные агенты Центрального разведывательного управления и ФБР США, а не какие-то там синюшные посланцы сверхдалёких межгалактических туманностей Андромеды или там Альфа Центавра.

«Да-а, дела», – призадумался я, и даже взгрустнул – отрезвление вещь замечательная, хоть и болезненная, но... отступать уже поздно и некуда: позади сотни километров коллективно выстраданного автопробега. «А-а, будь что будет», – решил я и, хлопнув по плечу нашего «шумахера», вполголоса мурлыкавшего профессиональный гимн водителей «Крепче за баранку держись, шофёр» и ещё, что для нас, пассажиров, тоже очень актуально: «Будь на поворотах осторожней, шофёр», отдал команду: «Пли!» Рядовой (рулевой) баранки среагировал мгновенно и нажал на гашетку, то бишь на газ.

Замелькали покосившиеся верстовые столбики, таблички с названием человеческих поселений: Сорвёнок, Бобровка, затем – предпоследняя – Владимировка – дислокация штабистов погранкомендатуры, и вот, уже на исходе угасающего субботнего дня, она – вожденная Орловка, конечный пункт нашего автовоаяжа.

Заоблачное село у самого подножья хребта Южный Алтай, окруженное цепью белоснежных тающих в вечерней дымке пиков, встретило наше «Шапито» приветливыми огоньками рубленых изб с завитушками дымков над крохотными

баньками «по-чёрному», протяжным мычанием коров, недовольных затянувшимся ожиданием дойки, и ленивым скулежём собак. В общем, набором самой незамысловатой сельской экзотики. Сразу же скажу, что это довольно уникальное место. Ну, во-первых, здесь базируется старейшая в области метеостанция, зафиксировавшая на основе многолетних наблюдений именно в этой части Казахстана наиболее низкие для его территории температуры. То есть Орловка, по сути, является узаконенным полюсом холода республики. Во-вторых, это самый окраинный форпост национальной погранслужбы на юго-востоке страны и, в-третьих, что меня собственно и подвигло на столь длительное путешествие, местные таёжные мари – край непуганого зверья. Граница-то здесь, как понимаете, всё-таки Государственная и, следовательно, на надёжном замке. То есть «тишь да гладь и божья благодать» здесь абсолютнейшая.

Ну а, завершая географический обзор, с полной уверенностью добавлю, проецируя на весь наш регион, что совсем не без оснований высоколобая публика называет Восточно-Казахстанскую область, равную по территории почти трём Грециям, Седьмым континентом. И действительно, в радиусе сотни-другой километров можно встретить практически почти все географические зоны, начиная с ледников Саура и заканчивая поющими барханами Зайсанской котловины. Ну и, конечно же, с соответствующими флорой и фауной. Причём многие из представителей мира диких животных и растительности являются эндемиками и внесены в Красную книгу исчезающих видов.

С первыми же лучами солнца я отправился на заставу. Нет, конечно же, не сдаваться. Необходимо было изложить начальству цель нашего визита и получить дополнительный спецпропуск на киносъёмки в режимной зоне, чуть ли не на следовой полосе. Командир оказался, не смотря на молодость, с понятием, и документ без долгих проволочек был оформлен. Проведя инструктаж и выдав «на-гора» массу полезных «ЦУ», он напоследок (согласно служебным заморочкам) откомандировал в моё подчинение «смотрящего» – совсем ещё на вид юного мальчика, но зато с грозным «калашом» наизготовку.

Окрыленный полным успехом своей нелёгкой миссии, я быстренько отбыл восвояси. Точнее направился напрямиком к управляющему местным мараловодческим отделением, с которым по сходной цене договорился об аренде лошадок для исполнителей съёмочного «экшена». Проникшись нашей творческой сверхзадачей, главный «ковбой» решил мне, как её идеологу, презентовать на период нашего «экстрима» одного из своих личных аргамаков по кличке Боливар – гривастого тёзки героического освободителя южноамериканского континента от испанского господства, и тут же, «не отходя от кассы», у коновязи, где нетерпеливо бил копытом элитный красавец, вручил «его» бразды правления в мои «надёжные» руки. Взгромоздившись в седло, я, чтобы убедиться в недюжинных ездовых качествах скакуна, а также в его лояльности к чужаку, сделал пару резвых гитов по селу. Жаль, что у меня напрочь отсутствует дар ясновидения! Как позже оказалось, это был довольно норовистый тип, умело скрывавший свой мерзопакостный характер. Хотя, возможно, таким образом гордое животное выражало своеобразный протест против засилья всяких там разных заезжих флибустьеров. Кто знает!?

«...Э-эх, дороги, пыль да туман». Дробный цокот конских подков, усиленный в разы каменистым ложем горного ущелья, золотистые искры, веером разлетающиеся из-под копыт рысаков, и услужливое, вездесущее эхо. Многократно

отражаясь от карстовых вымоин тесного каньона, оно на многие километры оповещало, правильной, я бы сказал, сексотило о происходящем.

Ну, а в целом всё идёт в штатном режиме. Над заснеженными вершинами обоюдоострых пиков хороводятся легкие облака. Вьются столбики мошкеры над купами бордовых соцветий маральего корня (по-учёному, левзея софлоровидная, кстати, краснокнижница) – любимого лакомства оленьего народа. А с заснеженных горных круч проливаются живительной влагой юркие ручейки и бьют из немыслимых земных глубин холодные и горячие ключи с живой и мёртвой (радон) водой.

Но, чу! Сквозь отдаленный шум водного потока, падающего с высоты, пробился протяжный трубный крик. «Ух, ты!» – опешил я. Первая мысль, посетившая мою неразумную голову, была: неужели йети!? Отрезвил меня, возвращая в реальность, голос нашего всезнайки Копылова, пояснившего, что это был боевой клич венценосного вожака здешнего маральего клана, вызывавшего на честный поединок прилудного рогача, посягнувшего не только на целостность подведомственной монарху территории, но и на его гарем и даже – каков наглец! – на трон. Вот эт-то-о сюжетище! Я пришпорил коня и рванул к водопаду – на глас вопиющего. И тут я, скажу вам, прямо-таки опешил. Из плотного облака водяной пыли, сверкающей в лучах восходящего солнца, и фейерверка обрушивающихся с невероятной высоты упругих струй, вдруг, словно в библейском сюжете, проявляется нечто нематериальное, сотканное словно из воздуха. Да, это он, вне всякого сомнения – он! Нет, конечно же, не снежный человек, а тот самый ясновельможный олений князь – владыка этих непокорённых гор. И стать, и его горделивая осанка, и точёный силуэт – всё говорит об избытках «голубой» крови, текущей в жилах обитателя заоблачных высот. Высокомерно откинув голову с ветвистой короной и на какое-то мгновение застыв словно изваяние, благородный представитель дикой природы неожиданно исчез, растворившись в беснующемся мареве брызг. Я долго после гадал, а не наваждение ли это было?

В общем, как я уже ранее говорил, дорога полна сюрпризов, а любое телодвижение – это проявление жизни. Так не будем же останавливаться на достигнутом! Тем более что цели давным-давно определены, да и задачи предельно ясны.

И вот, кажется, свершилось! Мы почти у места, можно сказать, на финишной кривой. Куда же она, родимая, нас выведет?

Увы, надо соблюдать общепринятые правила, и, если что-то кажется, то надо обязательно креститься, иначе... Бу-ух! О-о, майн гот, о ужас – моё брэнное, разлюбезное тело, секунду назад залихватски гарцевавшее на иноходце, вдруг вопреки всякой логике и незыблемым законам школьной физики телепортировалось вниз, на шелковистую травушку-муравушку.

В голове моментально завертелось: «...Как же так!? Я ведь в доску свой. Тоже из лошадиного (по восточному гороскопу) рода, – потом, чуть подумав, нашёл приемлемое, вполне логичное объяснение типа, – одноимённые-то полюса – отталкиваются!»

Немного придя в себя и осмотревшись, я обнаружил, что нахожусь, представляете, прямо по соседству с плантацией золотого корня (радиола розовая), редкого и очень ценного, сродни женьшеню, растения, облюбовавшего теплое местечко рядом с радоновым источником. Такой пассаж! Это, скажу, вне всякого сомнения, было для меня знаком свыше. Почему!? Сейчас, в небольшом отступлении, поясню.

По возвращении в Усть-Каменогорск, в процессе работы над первым из фильмов моей маркакольской кинотрилогии – «Озеро студёное, ласковое», с отснятым в этой командировке материалом, я на себе лично испытал благотворное, тонизирующее действие радиолы, этого алтайского «женьшеня». Дело было так. Горел ясным пламенем годовой план студии, а с ним и наша квартальная премия и, чтобы не подвести родной коллектив и в срок сдать ленту, мне пришлось сутками, упираясь изо всех сил рогом, проводить время за монтажным столом. Помог же в этой аховой ситуации именно он, золотой корень. По совету моего неизменного консультанта, хорошо размельченный и настоящий, по совету знатоков, на горном мёде. Так вот, этот таёжный «рахат-лукум» я и принимал во время продолжительных ночных бдений. Голова при этом становилась абсолютно ясной и, вы не поверите, переполнялась аж «до не могу» самыми невероятными творческими пассажами, ну и главное – совершенно не хотелось спать.

Но, однако же, продолжу детальный, пок кадровый разбор моего тогдашнего не до конца продуманного полёта.

Полностью доверившись законопослушному (читай, коварному) животному, я после более чем двухчасового марафона, решив расслабиться, бросил поводья и даже освободил ноги от стремян, перебросив их по-дамски на одну сторону (вау), и тут же, незамедлительно за это поплатился. Не знаю, что стало причиной несанкционированного кульбита Боливара, выбившего меня из седла, по предположению проводника, возможно, его испугала гремучая змея, пересекавшая на «красный свет» тропу, но пятикилограммовый кусок металла и стекла за плечами, именуемый хроникальной кинокамерой «Конвас», оставил мне именную метку на всю мою жизнь. Солидная (рентген просветил) вмятина на позвоночнике частенько напоминает мне о том далёком, наполненном светлых надежд, неповторимом времени.

Да-а... Ничего не скажешь, обиднейший фальшстарт. Минут десять я не мог даже шевельнуться, чем вызвал у заскучавшей публики неопишное веселье – «вот, мол, притвора». Ну а я? Я проигрывал в уме возможные последствия данного кунштюка, лучший вариант из которых – инвалидная коляска с ручным управлением.

Надо сказать, что в этом эпохальном марш-броске с нашими лошадьми творились странные вещи. Вплоть до смертоубийства. Забегая вперед, расскажу о трагическом случае, происшедшем по возвращении группы на «большую» землю. Погода на верхнем плато, по которому мы передвигались, как назло, стояла притворная. Внизу теплынь, догорает золотая осень, в лучах солнца переливается речная шивера, а здесь, на крыше мира, зима, колотун. Да ещё в довершение – сильнейший, не устоять на ногах, верховой ветер швыряется острой ледяной крошкой. Невозможно ни повернуть голову, ни открыть глаза. Ни зги не видно. Для последнего штриха в этой апокалиптической картине не хватало снежного человека.

В общем, наш бывалый проводник (по паспорту Копылов, по ситуации вполне тянет на лавры героического Сусанина) самым натуральным образом заплутал и оказался в опасной близости от обрывистого, утрамбованного ветрами и морозом снежного склона. Прямо-таки международная трасса для соревнований по фристайлу. Лошадь, на которой восседал наш потенциальный «агнец для заклания», почуяв грозящую опасность, дико захрапела и, упершись задними

копытами в снежную корку, присела на копчик, пытаясь притормозить, но, увы, удержаться не смогла и быстро заскользила вниз, к грозно чернеющему провалу. Больше живой мы эту бедную конягу не видели. Слава Богу, хоть всадник спасся, вывалившись из седла. В общем, Восточно-Казахстанскому телерадиокомитету моё турне с препятствиями вылилось в копеечку. Зато всё компенсировал эпизод (интервью) с медведицей, украсивший фильм «Старик и озеро» (производство Усть-Каменогорской телестудии), которому была оказана честь представлять Казахстан на VI Всесоюзном фестивале телевизионных фильмов в Тбилиси. И не зря! Лента завоевала там один из самых престижных призов. И, скажу по секрету, даже денежкой отоварили. Во как!

Но, однако же, позвольте восстановить хронологию и, вспомнив о пресловутом клубке Ариадны, вернуться к прерванной нити повествования, чтобы поведать о наиболее драматической части этой душещипательной, без всяких кавычек, истории. Итак, понежившись некоторое время на пригревшей меня в злосчастные минуты «грехопадения» земле и набравшись от неё, словно мифический Антей, животворной силы, ну и к собственной вящей радости поняв, что на этот раз вроде обошлось и (свят-свят) Бог меня миловал, я преодолевая резкую боль поднялся. Поднялся, правда, хоть и с большим трудом, но, тем не менее, без выплеска положенной, я бы даже сказал, обязательной в подобном экстраординарном случае, ненормативной лексики (для непонятливых поясню – просто ядерного русского мата), зато, и это было позже, чёрным по белому отмечено в заверенном гербовой печатью приказе по нашему госкомитету, с необоримым желанием преодолеть, как и положено мужику, все многочисленные тернии и препоны (извините за заимствование, точнее цитату из лексикона нашего милого реаниматора) и продолжить с незабвенным своим «Шапито» многофункциональный и многострадальный путь к осуществлению пресловутой голубой мечты – расширенном «видеоинтервью» с хозяевами здешней тайги.

День за днём, и ещё сутки. Череда холодных ночёвок в промёрзших горных каньонах, косые взгляды вконец измотанных, потерявших не только силу, но веру в успех, а с ней и надежду, моих бессребренных помощников. А тут ещё съестные запасы оказались на исходе. Того и гляди ожидай бунта на корабле. И он грянул. Команда «нелегалов» в ультимативной форме потребовала возвращения на материк. Отнёсся я к волеизъявлению масс довольно спокойно, можно даже сказать – философски. Ничего не попишешь и не поделаешь – у каждого своя планида, рассудил я и скомандовал, блюдя воинский устав, юному пограничнику: «В ружьё! Ать-два, за мной!» Сам же, с большим трудом, скрипя и покряхтывая, закинул на свои могучие плечи обидевшую меня железяку с оптикой, и бочком-бочком (двигаться иначе не позволяла «послеродовая» травма), не оглядываясь, медленно заковылял вдоль моренной гряды.

Это был воистину судьбоносный момент. Либо – либо. Фифти-фифти. К моему счастью, кишка у разлюбезных горожан оказалась тонка, а, может, и совесть проснулась, главное, что мой финт сработал, консенсус был достигнут (на радость пап и мам). Мы вновь слились в едином творческом, да и просто человеческом порыве. Ну, скажите, не счастье ли это!?! И тут наконец-то забрезжила удача. Мои сыскари с удвоенной энергией, припав к биноклям, начали интенсивно прочёсывать затенённые распадки, где вскоре по наводке огромного грифа, делающего подозрительные круги над одним из дальних крутосклонов,

вполне возможно даже находящегося под юрисдикцией соседнего государства (граница в этих труднодоступных местах была слабо демаркирована), среди густых зарослей вереска обнаружили вожделенную цель нашего затянувшегося турпохода, – жирующую маму-медведицу пышных, рубенсовских форм с двумя малышами-погодками. Неспешно пережёвывая солодку вперемежку с красным корнем (очень вкусные, почти из разряда деликатесов растения, особенно хороши их питательные корешки, помогающие животным не только пережить, но и скрасить скучное время зимней спячки), тёплая компания двигалась в нашу сторону, явно имея виды на сопредельную территорию. Осенив себя крестным знаменем, я, чтобы не было соблазна пальнуть по потенциальным нарушителям госграницы (дети все-таки), попросил «смотрящего» оставить личный «АК» внизу, передав его, конечно же, под расписку на временное хранение проводнику, а взамен отоварил его штативом с телеобъективом и аккумулятором. Затем, посоветовавшись, как и полагается, с народом (живём в демократическом обществе все-таки) и определив направление ветра (нюх у мишек преотменный), сунул кинокамеру в рюкзак и вдвоём с моим разоружённым охранником-ассистентом, где короткими пробежками, пригнувшись, где по-пластунски, начали через кушары осторожно подбираться к медвежьей семейке.

Это было нечто! Почтище охотничьего азарта. Отсняв «шпионским» телеобъективом (МТО–1000) с довольно приличного расстояния первые эксклюзивные кадры киноплёнки общих, групповых планов – всех трёх участников этого супершоу, аппетитно смакующих корешки с вершками, я попытался поймать в кадр каждого из них по отдельности. Задача оказалась не из лёгких, и мне пришлось подползти поближе. Этак шагов на двадцать. И тут вдруг услышал горячечный шёпот моего визави: «Если чуть приподняться, чтобы медведица увидела кинокамеру, то она обязательно среагирует и из любопытства встанет на задние лапы».

«Ух ты, да это будет просто блеск», – обрадовался я и, ничего не соображая, не думая о вероятных в данной ситуации далеко не радужных последствиях (у такой мамы неизвестно, что на уме, а уж себя, тем более детей, она точно в обиду не даст), ринулся в опасное предприятие. Главным для меня в тот момент была представившаяся возможность снять редчайшие, убойные кадры.

(Увы, после проявки материала эксклюзивное изображение со стоящей в полный рост дородной дамой оказалось в не фокусе, к тому же, не пойму почему, оно ещё и тряслось).

Главные же события развивались по следующему, вполне в духе голливудского вестерна, сценарию. Увидев в своих владениях странное существо с тремя стеклянными (турель кинокамеры с объективами) глазами, общительная и, как все представительницы прекрасного пола, любопытная медведица, действительно, как и было говорено, поднялась во весь свой «ограаамадный» рост и каких-то пару-тройку (не больше, подстать высокооплачиваемой и капризной фотомодели) секунд попозировав на камеру, решила, что в подобной ситуации гостеприимной и хлебосольной хозяйке полагается познакомиться с этим пришельцем (т.е. со мной) поближе. И на счёт раз-два, переваливаясь и покачиваясь из стороны в сторону, словно исполняя некий ритуальный танец, она неспешно, полная достоинства, двинулась к нему (т.е. ко мне) навстречу. Ну там обнюхать, возможно даже, похлопав по плечу, приобнять. Лично я плохо отношусь к амикошонству, особенно со стороны малознакомых господ, и такое скоропалительное, пусть

даже и милое общение, было не в моем вкусе. Не входило оно в планы и моего юного провокатора. Заорав благим матом, бравый защитник госграницы и, в моем лице – отечественной культуры, мгновенно ретировался. В таких случаях обычно говорят – только его и видели. Я же, ну что я? Быстро проанализировав ситуацию и, конечно же, вспомнив в первую очередь о своей пятилетней дочурке, которую мне надо ещё поднимать на ноги, я (вернее, мои мозги) тут же переключился на чёрте что. Явственно, как живая, всплыла, в соответствии с драматургией происходящего, чередой литературных героев. Это и коварно выслеживающий свою очередную жертву мишанька, «братик наш меньшей», а по совместительству – шатун-людоед из гениальной повести Виктора Астафьева, и невесть откуда взявшийся вождь краснокожих Чингачгук. Причём в боевой раскраске, с медным кольцом (пирсингом) в носу и пучком орлиных перьев на башке. Его жилистая, покрытая татуировками рука сжимала зловеще посверкивающий томагавк, а к седлу лошадки, смахивающей на дракона, была крепко приторочена связка симпатичных скальпов. От одного из них даже лёгкий пар струился. Самое же неприятное то, что этот североамериканский мистер из резервации как-то странно, я сказал бы, оценивающе поглядывал на мою модную причёску. Чур-чур. Изыди, сатана!

Но, увы, кино продолжалось. До «хэппи энда» было ещё, ой как далеко. Даже проказливое личико сказочной Машеньки, проникшей (тс-с, не совсем законно) в семейные покои добрейших, хотя и немного нескладных, косолапых хозяев и там, во время их отсутствия, слегка пошалившей, промелькнуло. Тьфу, померещится же такое! Завершились же виртуальные страшилки, этот нелецеприятный, фантазийный поток сюжетов, высосанных писательской братией зачастую, можно сказать, из пальца, слава Богу, вполне здоровой мыслишкой, заимствованной у народной молвы и гласящей, «что самый плохой мир лучше любой войны», тем паче, что нам в случае необходимости и обороняться-то нечем – спасительная помощь в лице «товарища, ныне господина – «Калашникова», увы, далече. Помните слова модного шлягера конца прошлого тысячелетия – «... там за горизонтом, там-там».

Гоня прочь непотребные мысли и шизоидно-кошмарные видения, я принял, думаю, единственно верное и правильное решение. Наглейшим, нахальнейшим образом нарушив светский этикет, повернулся к таёжной «леди» спиной и медленно, оч-чень медленно начал убираться восвояси. Бежать-то из-за травмы позвоночника я всё равно не мог. Спасло же эту довольно щекотливую, в некотором роде даже пикантную ситуацию то, что медвежата, напуганные истошным криком моего горластого сотоварища, дали дёру, и их матери, чтобы не потерять своих неразумных чад в этой чертовой «тьму-таракани» ничего не оставалось, как, обкинув меня напоследок плотоядным взглядом, смачно облизнуться и, угрозив когтистой (куда там томагавку) лапой, догонять своих несмышлёнышей. Вот что иногда значит инстинкт, вот что такое любовь, особенно материнская. А если бы на месте жалостливой альтруистки-мамы был лишенный каких-либо комплексов прагматичный папа!? О ля-ля. Страшно даже подумать.

Такая-разэтакая, в общем-то, незамысловатая, где-то поучительная история приключилась со мной на исходе прошлого столетия. Ну а одним из приобретений того незабываемого, насыщенного ярчайшими событиями времени стал, на сторонний взгляд, довольно-таки странный и несколько неожиданный пунктик.

Исповедуя одно довольно близкое моему жизненному кредо утверждение, озвученное в конце прошлого столетия самым, пожалуй, известным и знаковым российским бардом, что «...лучше гор могут быть только горы», я при любой, даже самой мизерной, возможности старался ему следовать. Раз за разом, не щадя живота своего, преодолевал очередную горную, чаще, горную вершину, одну из тех, «на которых ещё не бывал». Особенно же меня в этом посыле привлекала и та фишка, что высоко в горах, как известно, до звёзд рукой подать. Поэтому я по возможности, старался, чтобы эти мои спонтанные набеги в горы совпадали с наиболее редкими и зрелищными периодами небесной активности. С лунными и солнечными затмениями, с феерическими парадами звездопадов. Ну а если уж невероятно повезёт, то и оказаться в качестве зрителя на вообще наиредчайшем астрономическом действе – блистательном шоу гастролёров из-за кордона – Леонидов – неприкаянных скитальцев Галактики.

Что это!?! Приобретённая сызмальства тяга к неизведанному и запредельному или нечто подспудное, заложенное на генетическом, даже молекулярном уровне? Звёздный, так сказать, феномен (или болезнь), косвенно подтверждающий муслируемую в последние годы вероятность инопланетного происхождения рода человеческого.

Но вернусь к тем, теперь уже вполне реальным вершинам, которые имел честь покорить. Так вот, по привычке, останавливаясь там бивуаком на холодную ночёвку, в любом случае, даже при самом неудачном стечении обстоятельств, я перед тем, как лечь спать, обязательно нахожу среди скоплений, затерянных во вселенской бездне звёздных миров, Большую Медведицу. Затем, первым делом, чтобы удостовериться в своём физическом соответствии, а если быть более конкретным – в профессиональной пригодности для прохождения действительной службы в славных рядах римских легионеров, скрупулёзно проверяю себя своеобразным, пришедшим от древлян тестом. Для этого отыскиваю крохотных деток-растеряшек галактической мамы – двойную звёздочку Мицар и, убедившись, что всё со мной и моим зрением «о'кей» и что обе малютки мне одобрительно подмигивают, ещё какое-то время с пристрастием наблюдаю за неспешным вояжем по Млечному пути, забитому огромными пробками из ужасных Чёрных дыр и неповоротливых Белых карликов, всей медвежьей космической семейки! Одновременно при этом медитирую... А затем в знак уважения и признательности шлю ей на прощание... воздушный поцелуй. Такой вот камуфлет!

Интересно, сколько же световых лет моё бесхитрое послание-приветствие будет добираться до этого, пожалуй, для человеческой цивилизации наиболее значимого и знакового зодиакального созвездия!?

Ну а память – и светлая, и любая другая – это одна из самых таинственных и, даже не побоюсь этого слова, божественных субстанций в человеческой сути.

